

Мой братъ.—Мое мнѣніе?

Учитель.—Да, ваше мнѣніе. Что, этотъ стихъ хорошъ или дуренъ?

Мой братъ.—Очень хорошъ.

Учитель.—Почему?

Мой братъ (совершенно недоумѣвая).—Я не знаю.

Учитель (поднимая глаза къ небу).—Ахъ! Молодость... Однако подумайте; повторите снова этотъ стихъ; стараетесь ли вы понять всю красоту этого стиха? (Угрюмое молчаніе моего брата). Чего же вы молчите? Ну скажите, неужели слово «основаніе» ничего не говоритъ вамъ?

Мой братъ. Да, сударь.

Учитель. Что же?..

Мой братъ. . . . .

Учитель.—А слово «природа»? (Молчаніе) Гм. Жалко... Подумайте, почему баснописецъ написалъ, что тростникъ имѣлъ «основаніе» вмѣсто того, чтобы написать, что отъ имѣлъ «право»? (пауза). Вы не знаете? А вѣдь это такъ просто. «Право»—понятіе неопредѣленное, а «основаніе», напротивъ, точное... Основаніе, значить—мотивъ, жалоба... Тростникъ, значить, можетъ обвинять природу...

Мой братъ.—Да...

Учитель.—Надо было такъ и сказать. А почему дубъ говоритъ «природу», а не «Бога»? Потому что онъ, полный гордости, пропи-

танъ материалистическими теоріями. Ясно. Наконецъ, я не знаю, что же вы знаете...

Мой братъ (недоумѣніе котораго перешло въ изступленіе):—Я ничего не знаю... не знаю... не знаю...

Учитель (возмущенно).—Убирайтесь... Вы совершенно ничего не знаете. Идіотъ какой-то! Пойдите ка—да поучитесь еще съ годикъ—авось поумнѣете.

Такъ прошелъ этотъ невиданный экзамень—и вотъ почему остался зимовать во второмъ классѣ мой братъ.

Жоржъ Куртелинь.

Странное пари.

РАЗСКАЗЪ

Жозефа Рено.

Переводъ съ французскаго.

Своими ярко освѣщенными окнами огромное зданіе выходило на бульваръ Мэлло. Ни одинъ прохожій не могъ пройти мимо этого дома и не остановиться, чтобы не прослѣдить глазами за тѣнями, быстро мелькающими за окнами—не послушать доносящіяся звуки оркестра.

Этотъ домъ принадлежалъ миллиардеру Галифаксу. Сегодня у Галифакса былъ торжественный обѣдъ, на который были приглашены ближайшіе друзья и знакомые миллиардера. Незачѣмъ останавливаться на фигурѣ Галифакса, достаточно лишь указать, что по своему состоянію онъ былъ третьимъ послѣ Рокфеллера и Моргана.

Между гостями, сидѣвшими за блестящими столами, сразу бросаются въ глаза сенаторъ Мираль, старинный президентъ совѣта; извѣстный социалистъ Губо; Флирактъ, лидеръ консерваторовъ; знаменитый хирургъ Дуайенъ, кромѣ нихъ извѣстные художники, романисты, драматурги.

Только нѣсколько женщинъ; между ними вдова извѣстнаго журналиста, госпожа Диезэнъ и ея прелестная дочь Эвелина.

Молодая дѣвушка разговариваетъ съ Жакомъ Моно, секретаремъ Мирала, молодымъ юристомъ, бѣлокурнымъ, худымъ съ тонкимъ интеллигентнымъ лицомъ.

— Нѣтъ, Жакъ!.. заканчиваетъ дѣвушка... Мой отецъ былъ страстнымъ

игрокомъ и... бѣднякомъ. Я слишкомъ настрадалась отъ бѣдности при его жизни, чтобы у меня было желаніе снова столкнуться съ ней... даже въ замужествѣ съ вами. Я хочу роскоши. Какъ видите я сдѣлалась материалисткой!.. И, однако, я васъ люблю, вы это знаете!

— А, если я буду богатъ?..

— О! я буду счастлива, если случай дастъ мнѣ возможность сдѣлаться вашей женой!..

— Подождите еще немного, Эвелина.

Жакъ произнесъ эти слова такимъ умоляющимъ тономъ, такое выраженіе страха, отчаянія и мольбы было въ его голосѣ, что молодая дѣвушка нѣжно наклонилась къ нему и шепнула:—ну да, я буду ждать!.. сколько вы захотите. Можетъ быть даже слишкомъ долго, потому что я увѣрена, что никого не полюблю такъ, какъ васъ... Но довольно! Мама уже дѣлаетъ намъ знаки. Пойдемте, послушаемъ о чемъ говорятъ Галифаксъ и графъ Флирактъ.

Среди немного умолкавшихъ разговоровъ послышался холодный голосъ миллиардера.

— Я утверждаю, что вѣчное тюремное заключеніе, несмотря на свою большую человѣчность, страшнѣе зшафота.

— Ну нѣтъ, съ живостью возразилъ Флирактъ. Если бы наше законодательство окончательно отмѣнило нашу старинную гильотину и замѣнило ее тюрь-

мой—вы увидѣли бы, что количество преступниковъ немедленно бы увеличилось. Режимъ нашихъ тюремъ недостаточно тяжелъ, что-бы запугать апаша.

— Не достаточно тяжелъ? переспросилъ Галифаксъ со своимъ легкимъ англійскимъ акцентомъ, что вы говорите подумайте: одиночество и абсолютное молчаніе! Никогда не проронить ни одного слова! Не видѣть ни одного чело-вѣческаго лица, не считая молчаливой фигуры сторожа!.. никогда! Вы слышите: никогда!..

— Это, разумѣется, ужасно—и общество имѣетъ право одного изъ своихъ членовъ приговорить къ смертной казни или къ этому убійственному тюремному заключенію, горячо воскликнулъ Губо, встряхивая своей красивой голсвой.

— Но вѣдь должно же общество защищать себя, сказалъ Мираль.

— Жить на всемъ готовомъ, не подвергаясь холоду, дождю, голоду, безработицѣ.. Сколько бѣдныхъ людей позабывали бы такой жизни, стоялъ на своемъ Флирактъ.

Тогда Галифаксъ снова заговорилъ:

— Я пожелалъ бы вамъ, дорогой мой, испытать весь ужасъ такой жизни.. Лично вы—слишкомъ заняты!.. Но я предлагаю пятьсотъ тысячъ франковъ тому, кто согласится провести въ одиночномъ заключеніи одинъ годъ.

Послышался смѣхъ, восклицанія.

— Сошелъ бы съ ума черезъ три дня!

— Оставить жизнь на цѣлыхъ двѣнадцать мѣсяцевъ? Благодарю! Я покончилъ бы съ собой черезъ нѣсколько дней! Какой ужасъ!..

Я согласенъ.

Галифаксъ поднялся и громко сказалъ: — Мое предложеніе вполне серьезно! я убѣжденъ, что тотъ, кто согласится на этотъ опытъ—или покончить съ собой, или попросить, чтобы его выпустили на свободу до срока, или черезъ годъ превратится въ идиота... Во всякомъ случаѣ—этотъ опытъ принесетъ большую пользу человѣчеству... И такъ, пятьсотъ тысячъ франковъ!..

Всѣ затихли. Очевидно Галифаксъ— не шутилъ. Впрочемъ, всѣ уже привыкли къ тому, что онъ любилъ различныя изъ ряда вонъ выходящія пари.

Вдругъ съ другого конца стола слышался голосъ:

— Я согласенъ!

Это былъ Жакъ Моно.

Всѣ присутствовавшіе заволновались. Всѣ головы мгновенно повернулись въ его сторону. Галифаксъ же безъ малѣйшаго удивленія, словно иначе и быть не могло, отвѣтилъ:

— Прекрасно, дорогой мой!.. Когда мы начнемъ?

— Когда вамъ угодно...

— Сейчасъ-же... Милостивые государи и милостивые государи, неудобно ли вамъ оказать мнѣ честь сопроводить меня?..

Изумленный шепотъ пробѣжалъ по залу, затѣмъ, всѣ поднялись изъ застола, чтобы слѣдовать за высокими и немного тяжеловѣснымъ силуэтомъ Галифакса.

— Какая авантюра! Ужъ эти американцы. Все они принимаютъ въ серьезъ. Кому могла придти въ голову мысль о подобномъ пари!..

Жакъ Моно, незнакомый большинству собравшагоса здѣсь общества, сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства.

Эвелина, дрожащая и блѣдная отъ страха, подошла къ нему, протянула ему свою руку и прошептала:

— Охъ! Жакъ! нѣтъ!.. Бога ради... я боюсь! забудьте, то что я вамъ говорила... Въ это время подошелъ Мираль и сказалъ только:

— Вы съ ума сошли, Моно!

* * *

Все общество, слѣдуя за своимъ хозяиномъ, пересѣкло нѣсколько комнатъ, перешло черезъ главный корридоръ, спустилось по длинной винтовой лѣстницѣ внизъ и, наконецъ, остановилось передъ массивной дверью, которую Галифаксъ открылъ.

Неожиданно вспыхнула электрическая лампочка: всѣ увидѣли небольшую комнату безъ окна.

— Эта комната служитъ мнѣ для нѣкоторыхъ опытовъ, сказалъ оловянный король — Галифаксъ. Иногда мой химикъ проводитъ здѣсь ночь. Такъ какъ свѣтъ не долженъ проникать сюда, то обѣдъ и ужинъ ставится вотъ въ это глухое оконце. Сюда не проникаетъ ни шумъ, ни свѣтъ. Здѣсь царитъ покой могилы.

— «Эта электрическая кнопка соединяетъ эту комнату съ моей другой лабораторіей, расположенной во второмъ этажѣ, гдѣ днемъ и ночью всегда, кто-нибудь находится. Въ этой комнатѣ есть все необходимое... Вы видите, даже кровать постлана. Все готово.

— Эта дверь, господинъ Жакъ Моно, сейчасъ закроется за вами и откроется только черезъ годъ. Черезъ это оконце вамъ сегодня доставятъ костюмъ, болѣе простой и удобный, чѣмъ вашъ, затѣмъ, ежедневно обѣдъ и ежедневнѣе обѣды. Вы будете совершенно отрѣзаны отъ жизни: ни книгъ, ни бумаги. Писать нельзя... Вотъ здѣсь отдушникъ для тепла, здѣсь для свѣжаго воздуха.

— Теперь послушайте меня внимательно: если, все равно когда, вы найдете свое заключеніе слишкомъ тяжелымъ, нажимайте эту электрическую кнопку, которая васъ соединяетъ съ другой лабораторіей — и вы немедленно будете освобождены.

Но, если черезъ годъ — 29 ноября 1908 года, въ этотъ самый часъ... два часа утра!.. вы будете еще здѣсь—

я сюда же принесу пятьсотъ тысячъ франковъ. Если кому нибудь изъ присутствующихъ здѣсь—угодно—я приглашаю ихъ ужинать къ себѣ 29 ноября 1908 года. А теперь, такъ какъ вы согласились немедленно приступить къ опыту—я позволю себѣ загереть эту дверь... до свиданія, желаю счастья!

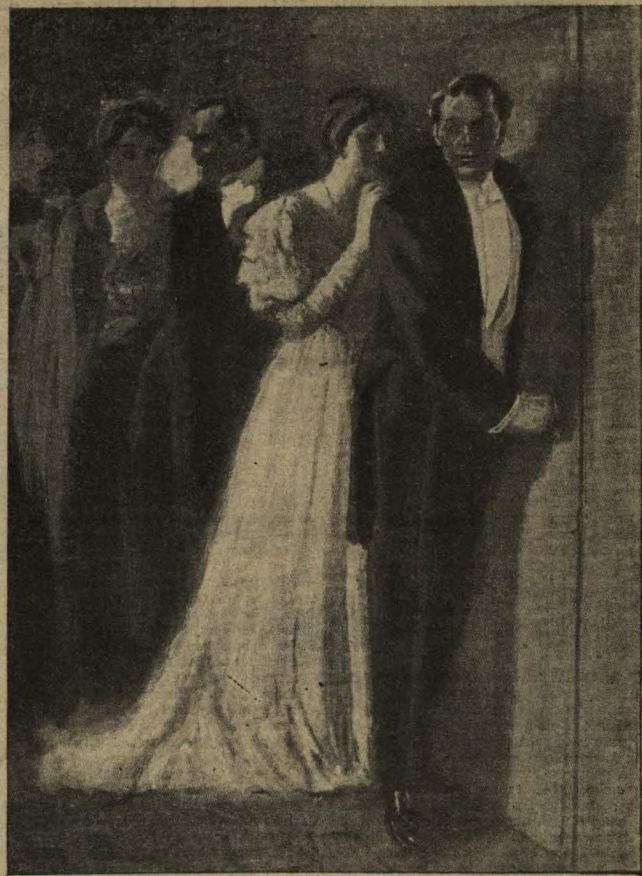
Жакъ, самъ изумляясь своей неожиданной смѣлости съ быстротой дѣйствій янки—успѣлъ лишь бросить послѣдній взглядъ на Эвелину, которая стояла съ матерью въ сторонѣ отъ другихъ: лицо ея было смертельно блѣдно, глаза, полны слезъ.

Двойная дверь закрылась—и наступило тяжелое молчаніе: шумъ удалявшихся шаговъ лишь смутно долеталъ до заключеннаго.

Мужество! Вы выиграли.

29 ноября 1908 года въ часъ утра въ лабораторіи-тайникѣ за столомъ сидѣло заросшее шерстью и съ влажнѣнными волосами существо; щеки его ввалились, въ глазахъ было выраженіе ужаса. Это существо сидѣло за столомъ, а предъ нимъ лежали часы: Онъ считалъ секунды 57!.. 58!.. 59!.. 60!.. 1!.. 2!.. 3!.. Съ трудомъ можно было узнать въ этомъ существѣ Жака Моно. Да, онъ побѣдилъ... но какой цѣной! Онъ казался призракомъ явившимся съ того свѣта!.. Столъ говорилъ о его мукахъ: въ нѣсколько рядовъ на немъ было вычерчено имя «Эвелина»—364 раза. Сначала буквы были ясны и отчетливы, затѣмъ, онъ тускнѣютъ и въ концѣ, лишь въ отдаленной степени напоминаютъ буквы.

Шумъ у двери! Сторожъ! Обѣдъ!

— О, Боже: звукъ человѣческаго голоса!

— Ахъ! M'sieu!.. Это въ послѣдній разъ. Я первый поставлю себѣ радость васъ поздравить! Не больше часа... Мужество! Вы выиграли свои пятьсотъ тысячъ!.. Всѣ газеты говорятъ только о васъ!.. Весь Парижъ въ движеніи! Ахъ!.. это пари господина Галифакса надѣлало шумъ!.. Особенно эти послѣдніе семь дней! Журналисты осаждаютъ нашъ домъ! Огромная толпа около нашего дома!.. Держитесь!.. сейчасъ.

Жакъ могъ лишь съ усилиемъ отвѣтить:

— «Благодарю... До... скоро»..

При словахъ сторожа звукъ челоукаго голоса показался ему загадочнымъ и страннымъ. Оконце захлопнулось снова страшное молчаніе.

— Еще часъ!.. Немного! Но это послѣдній.

И это былъ самый ужасный часъ!

Зачѣмъ заговорилъ сторожъ! Только, какъ умирающій съ голода, почувствовавшій запахъ пищи, онъ могъ больше выдержать. Вскочивъ скамьи, онъ началъ ходить изъ угла въ уголь. Голова его низко склонилась и дрожащими руками сжималъ онъ свившіеся виски...

— Охъ! подождать, подождать ели немного,—возможно-ли это?

Никогда еще—въ теченіи этого года—электрической звонкомъ, блѣднѣе на стѣнѣ, не тянулъ его къ себѣ такой непреодолимой силой.

Онъ кричалъ: «Эвелина»!.. Моя рога!.. Эвелина!.. Это имя приходило къ нему въ самыя отчаянныя минуты и тогда онъ находилъ въ себѣ достаточно силы. Такъ было всегда. Но этотъ разъ, онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Все смѣшалось въ оди

кубокъ въ его мозгу: Эвелина? Полмилліона? Зачѣмъ это! Уйти отсюда, вотъ все!..

Протянувъ палецъ, онъ...

— Нѣтъ! безумнымъ усиленіемъ воли сдержалъ онъ себя и подоидя къ звонку...

Отошелъ...

Вдругъ мысль... почему нѣтъ?.. поставилъ стулъ и ножомъ разрѣзалъ электрическую проволоку.

Послѣ этого, онъ почти сразу успокоился. Глубоко и облегченно вздохнулъ...

— Побѣдилъ!.. Эвелина будетъ моей! Какъ прекрасна жизнь!.. Богатъ, любимъ, молодъ!.. Въ его мозгу зародились какіе то проэекты, неопредѣленные - утомившіе его скоро... ему было больно думать.

Онъ снова сѣлъ къ столу около часовъ — и снова началъ отсчитывать секунды: 1... 2... 3... 4... 5... 6... 7...

Вы должны позвонить.

... Неожиданный шумъ у дверей вернулъ его къ сознанию дѣйствительности. Ключъ звякнулъ въ замкѣ. Открылась дверь. Неужели наступилъ долго жданный моментъ? Нѣтъ, на часахъ всего лишь часъ двадцать минутъ...

На порогѣ появился Галифаксъ и закрылъ за собою дверь.

Затѣмъ, онъ горячо пожалъ руки Жаку.

Онъ былъ блѣденъ... сильно постарѣлъ, осунулся... въ глазахъ его было выраженіе такого же страха, какъ и въ глазахъ у заключеннаго.

— Bravo!.. Вы выиграли!.. Осталось всего нѣсколько минутъ. но... послушайте... я долженъ вамъ сказать... вы должны позвонить.

— Чтобы я позвонилъ?

— Да!.. Вы должны подать сигналъ чтобы васъ освободили. Вы слышите?.. я объясню вамъ...

Жакъ очнулся отъ охватившаго его изумленія...

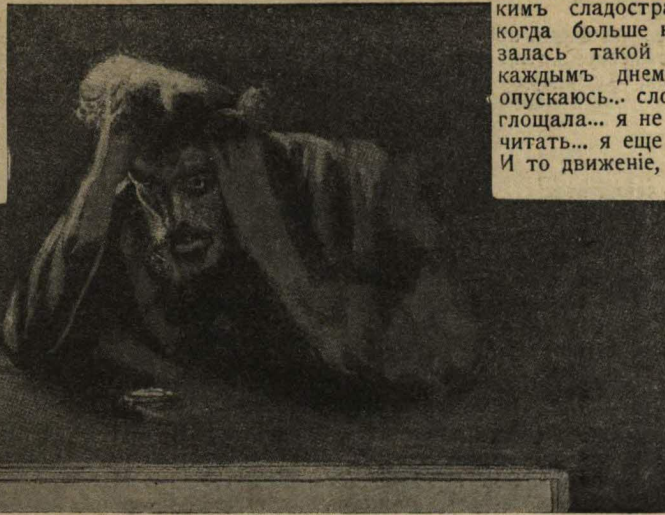
Галифаксъ продолжалъ. Голосъ его дрожалъ:

— Да, необходимо чтобы вы проиграли пари... охъ! Вы получите свои пятьсотъ тысячъ — и кромѣ этого еще сто тысячъ... только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ!.. Теперь... я разоренъ.

— Разорены, вы?..

— Да, я... О, ужасно! я собралъ въ свои руки все производство олова, я былъ хозяиномъ рынка. Я продавалъ по какой мнѣ угодно цѣнѣ. Но, вдругъ мои рудники изсякли, работы остановились. Послѣдовалъ крахъ, я думалъ, что все потерялъ, но нѣтъ... я еще живъ... Я выигралъ въ покеръ тридцать тысячъ франковъ. Мой кредитъ не тронуть... я снова начинаю компанію... но, если я принужденъ буду уплатить вамъ сейчасъ пятьсотъ тысячъ — я окончательно пропалъ!

Жакъ разразился ужаснымъ смѣхомъ. Смѣхъ, казалось, никогда не прекратится. Наконецъ, онъ сдѣлалъ надъ собою усилие, чтобы освободиться отъ него.

Еще одинъ часъ!

— Вы хотите, чтобы я это сдѣлалъ? у васъ достаточно денегъ... или, во всякомъ случаѣ, достаточно недвижимости, коллекцій, лошадей, автомобилей, чтобы заплатить проигранное пари!.. я остаюсь здѣсь до срока.

— Но, если узнаютъ мое положеніе — тогда мнѣ нѣтъ выхода!.. Мнѣ ничего нельзя продавать! И, если вы сейчасъ же не нажмете этой кнопки, мнѣ придется обратиться къ помощи револьвера... Вы понимаете — все поставлено на карту... въ свое новое дѣло я вложилъ капиталы не принадлежащіе мнѣ, а лишь довѣренные мнѣ. Если вы не позвоните, мнѣ придется отдать вамъ пятьсотъ тысячъ, а себѣ пустить пулю въ лобъ!..

Задыхаясь отъ волненія, смиренный въ своей мольбѣ — Галифаксъ производилъ жалкое впечатлѣніе.

Я выигралъ. Вы заплатите.

Но на лицѣ Жака Моно не было выраженія жалости и состраданія: одна лишь жестокость и ненависть.

— Вы не догадываетесь, закричалъ онъ подавленнымъ голосомъ, какія безумныя страданія пережилъ я въ теченіе этого года, когда я не видѣлъ солнца, не слышалъ ни одного звука, заживо погребенный въ этой могилѣ. Какъ я не умеръ отъ ужаса?.. Ахъ! Все, что я видѣлъ, слышалъ — въ этихъ потемкахъ!.. И

мысль о самоубійствѣ! Казалось такъ сладострастнымъ — уснуть, никогда больше не думать! Смерть казалась такой соблазнительной... съ каждымъ днемъ я чувствовалъ, что опускаюсь... словно пропасть меня поглощала... я не увѣренъ, что могу еще читать... я еще сопротивлялся, однако... И то движеніе, которое не могли меня заставить сдѣлать самыя ужасныя муки — вы хотите заставить... вы съ ума сошли!..

— Но вѣдь я вамъ говорю, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я вамъ отдамъ эти пятьсотъ тысячъ — и еще плюсъ сто тысячъ. Я снова сдѣлаюсь хозяиномъ рынка.

— Завтра вы, можете быть, будете окончательно разорены...

— Не можетъ быть, а навѣрное — и кромѣ того съ пробитымъ вискомъ, если вы не пожалѣте меня!..

— Убирайтесь!.. Я могу только обѣщать тайну относительно вашего положенія.

Галифаксъ, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, опустилсѣ на колѣни:

— Милосердія... умоляю!.. Вы еще ребенокъ! Не толкайте на нищету и смерть стараго человѣка, столько пережившаго въ своей жизни!

— Я хочу быть счастливымъ! Поэтому я держалъ и выигралъ это ужасное пари.

Искушеніе.

— Если крахъ произойдетъ—вы будете въ этомъ виновны.

— Вы вѣдь не знаете... на всемъ протяжении земного шара есть семьи, которыя окончательно разорятся, благодаря вашему упорству!.. Вы можете ихъ спасти.. нажмите кнопку!

Я выигралъ Вы заплатите.

Галифаксъ поднялся. На его лицѣ было бѣшенство.

— А! ты хочешь моей гибели! Но этого не будетъ миленькій!.. Я унился до того, что сталъ на колѣни! Я самъ позвоню! И ты не получишь ни одного су, никогда!

— Вы позвоните?.. Несчастный!.. Я васъ выброшу отсюда!

Галифаксъ бросился на Жака. Жакъ сопротивлялся. Это была ужасная борьба. Но ни одного звука не издавали борющіеся. Они уже начали задыхаться; ихъ ноги начали подкашиваться.

Галифаксъ былъ сильнѣе, но Жакъ, хотя и ослабѣлъ за этотъ долгій мучительный годъ, былъ болѣе ловкимъ; вотъ онъ уже отбосилъ американца на столъ. Еще одно движеніе... но рука Галифакса вдругъ натывается на ножъ, съ помощью котораго Жакъ триста шестьдесятъ четыре раза вырѣзалъ дорогое ему имя «Эвелина»... Схватываетъ ножъ и вонзаетъ въ грудь Моно... случайно..

Жакъ широко раскрылъ глаза, ротъ, потомъ, потерявъ равновѣсіе, — упалъ навзничъ на дорогія буквы...

Наступило ужасное молчаніе, Галифаксъ поднялся, ужасъ былъ въ его глазахъ... Надо спастись... Никто не видѣлъ, какъ онъ сходилъ сюда; надо такъ же незамѣтно подняться... Да, позвонить... Къ тому времени, когда успѣютъ придти на звонокъ—я уже буду въ своемъ кабинетѣ...

Нажалъ электрическую кнопку и быстро исчезъ.

Тихо стало въ тюрьмѣ. Слышно было только, какъ съ однообразнымъ шумомъ падали капли крови: одна за другой...

Въ два часа Галифаксъ во фракѣ,

съ орхидеей въ петличкѣ, съ удивительными изумрудами-пуговицами на своемъ жилетѣ, появился въ большомъ залѣ своего роскошнаго палатца. Тамъ уже собрались всѣ приглашенные.

— Я къ вашимъ услугамъ... сказалъ Галифаксъ.

Настоящій кортежъ послѣдовалъ за миллиардеромъ—и впереди всѣхъ шла Эвелина.

Внизу, вставляя ключъ въ замокъ, Галифаксъ сказалъ:

— Эта дверь не открывалась цѣлый годъ. Открывъ дверь, онъ распахнулъ ее и вошелъ внутрь. За нимъ хлынула толпа..

Послышались крики и истерическія восклицанія. Эвелина поспѣшила къ тѣлу; ее поддержали: увидѣвъ залитое кровью тѣло Жака, она упала безъ чувствъ.

— «Онъ покончилъ съ собой» передавалось изъ устъ въ уста по лѣстницѣ, пока не добѣжало до зала, а затѣмъ до улицы...

Докторъ Дуайенъ наклонился надъ тѣломъ и прошепталъ: «Онъ еще живеть!» Эвелина, уже пришедшая въ себя, съ глубокимъ вздохомъ протянула руки къ великому хирургу.

Но Дуайенъ черезъ нѣсколько мгновений поднялся, опустилъ руку Жака и тихо сказалъ:

— Кончено!

Всѣ головы обнажились.

Онъ звонилъ.

Въ тревожномъ молчаніи послышался голосъ сенатора Миралья, который обратился къ Галифаксу.

— Онъ еще жилъ, когда мы вошли сюда—еще нѣсколько минутъ послѣ назначеннаго срока; такимъ образомъ, онъ выигралъ пари. Вы должны вручить назначенную сумму его наслѣдникамъ.

— Конечно, мой дорогой другъ, если только онъ не звонилъ! Но за нѣсколько минутъ до срока, онъ, будучи, очевидно, въ нервномъ припадкѣ, позвонилъ!

Служители появились въ дверяхъ.

— Скажите Рибулэ, Мартэнъ! Нашъ заключенный вѣдь звонилъ? обратился

къ нимъ Галифаксъ, я проходилъ м. вашей двери и слышалъ звонокъ.

— Нѣтъ, сударь!..

— Какъ, нѣтъ?..

— Мы не выходили ни на мизъ лабораторія до тѣхъ поръ, намъ не рассказали, что заключенный умеръ...

— Галифаксъ поблѣднѣлъ какъ м. вещь... Наступила мертвая тишина, которой слышались только рыданія жены.

— Не звонилъ... не звонилъ?.. невозможно!

— Мы ничего не слышали. Электрикій регистраторъ тоже не отмѣтилъ звонка!..

Тревожный шопотъ пробѣжалъ съ присутствующихъ.

Флиракъ первый заговорилъ: проиграла, Галифаксъ!»

— Нѣтъ! Эти люди лгутъ!.. Мерцы! Животныя!.. Разбойники!..

Глаза его налились кровью. Въ укажъ его губъ показалась пѣна...

— Да, кретины, да, регистраторъ казываетъ, что Моно звонилъ!.. И слышали!.. Сильный былъ звонокъ увѣренъ, что звонокъ звонилъ: по му что я самъ звонилъ!.. Ха ха!..

— Что? какъ?..

Въ этотъ моментъ послышался шаговъ, поднимавшихся по лѣстни. Нѣсколько человекъ пробрались чер плотную массу присутствующихъ. подошли къ Галифаксу — и одинъ нихъ, невидя труп, положилъ руку плечо убійцы, и сказалъ:

— Господинъ Галифаксъ вы спекрвали чужими деньгами... Именемъ кона—я васъ арестую!

— А мы обвиняемъ его въ убійс Жака Моно!.. вскричалъ Мираль.

Галифаксъ оттолкнулъ полицейскі одѣтыхъ въ штатскіе костюмы.

— Назадъ!.. Ну да!.. Я сознаюсь своихъ преступленій!.. но, я плачу

Въ его рукахъ мелькнулъ револьверъ. Раздался выстрѣлъ. Тяжелое пад тѣла...

Жозефъ Рено.

